

Яков Минченков

Касаткин Николай
Алексеевич



Воспоминания о передвижниках

Яков Минченков

Касаткин Николай Алексеевич

«Public Domain»

1931

Минченков Я. Д.

Касаткин Николай Алексеевич / Я. Д. Минченков — «Public Domain», 1931 — (Воспоминания о передвижниках)

«...С воспоминаниями о Касаткине у меня связываются воспоминания и о моей школьной жизни в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, так как при Касаткине я поступил в Училище, он был моим первым учителем и во многом помогал в устройстве моей личной жизни. <...> Чтя его как учителя и друга, я все же в обрисовке его личности стараюсь подойти к нему возможно беспристрастнее и наряду с большими его положительными качествами не скрою и черт, вносивших некоторый холод в его отношения к учащимся и товарищам-передвижникам...»

Яков Данилович Минченков

Касаткин Николай Алексеевич

С воспоминаниями о Касаткине у меня связываются воспоминания и о моей школьной жизни в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, так как при Касаткине я поступил в Училище, он был моим первым учителем и во многом помогал в устройстве моей личной жизни.

Его доброжелательное ко мне расположение я не утерял и тогда, когда, окончив Училище, стал членом Товарищества передвижников и товарищем Николая Алексеевича до конца его дней.

Чтя его как учителя и друга, я все же в обрисовке его личности стараюсь подойти к нему возможно беспристрастнее и наряду с большими его положительными качествами не скрою и черт, вносивших некоторый холод в его отношения к учащимся и товарищам-передвижникам.

При реорганизации Академии художеств в девяностых годах профессорами в Высшие художественные мастерские при Академии были приглашены члены Товарищества передвижников, в том числе и преподаватели Московского училища живописи: Прянишников, В. Маковский и Polenov.

Взамен ушедших из Московского училища преподавателей там был образован новый штат из молодых, передовых в искусстве художников, тоже передвижников.

Старшим преподавателем был избран старый передвижник Константин Аполлонович Савицкий, а дальше шли молодые: Архипов, Бакшеев, Корин, С. Коровин, Пастернак, Левитан, Степанов, Милорадович, скульптор Волнухин.

Впоследствии в Училище вошли Серов, К. Коровин, А. Васнецов.

Одно время по скульптуре преподавал и князь Паоло Трубецкой, приезжавший на уроки из Петербурга, где он лепил тогда памятник Александру III.

Касаткин был назначен преподавателем в первый класс, называвшийся оригинальным, хотя рисование с оригиналов тогда уже было отменено, рисовали в этом классе с орнаментов и масок.

В этот класс поступил после долгих мытарств и я.

В Училище живописи я держал экзамен три раза и один раз в Академию художеств – и каждый раз проваливался. В Академии мой рисунок получил тридцать седьмой номер, а принято было тридцать шесть человек; следовательно, не прошел я одним номером, и все же документы мои были почему-то переданы в охранное отделение, откуда мне их выдали с обязательством немедленно уехать из Петербурга.

Несмотря на свои жестокие поражения, я не падал духом и упорно готовился к последнему, решающему мою судьбу, испытанию в Училище живописи.

На этот раз при поступлении в Училище мне пришлось пережить следующее. Секретарь Училища князь Львов читает список принятых и я снова не слышу своей фамилии, но секретарь дальше добавляет: из числа подавших прошение в вольные слушатели никто не принят за отсутствием свободных мест для учащихся этой категории, но ввиду отличных работ семи человек (в числе которых упоминает и мою фамилию) советом Училища подано на высочайшее имя ходатайство о принятии их сверх комплекта.

В числе особо отличившихся на экзамене значился и Константин Федорович Юон, ныне заслуженный деятель искусств.

После томительного трехдневного ожидания, наконец, нам было объявлено о принятии нас в Училище.

Не знаю, как чувствовали себя другие, но когда я, с сознанием своих прав, поднимался в Училище по круглой лестнице, украшенной античными фигурами, – едва ли в Москве был кто-либо счастливее меня.

Запах красок, лака, фиксатива на бензине, который чувствовался в классах, казался мне выше всех ароматов в мире, а дым в курилке – фимиамом, возносившим наши мечты к подножию греческих божеств.

Классические формы, заполнявшие Училище, простота их линий, загадочность светотени (что я уже начинал смутно постигать) кружили голову и приводили в экстаз.

Продолжая в стиле, присущем тогдашнему моему настроению, я бы сказал, что и преподаватели-художники казались мне чуть ли не полубожествами.

Вот они, жрецы, постигнувшие тайны искусства, все знающие, и все умеющие. Перед ними я готов был преклоняться с мольбой: «Научите и меня, утолите жажду, дайте испить из вечного источника, откуда и вы почерпнули радость и горе своего бытия!» Смешно, но тот, кто не переживал таких минут, пусть не стучится в двери, за которыми царит искусство! Говоря откровенно, я много бы отдал теперь, чтобы хоть на время пережить былую восторженность и упоение – первую чистую и бескорыстную любовь к искусству.

Собравшись на первый урок, мы, вновь, поступившие, расспрашивали о Касаткине, нашем преподавателе, но его тогда мало еще кто знал, а я не видал ни одной его работы.

В начале урока незаметно появился среди учащихся и сам преподаватель – Касаткин, по внешности ничего художественного из себя не представлявший. Встретив в другом месте, я скорее бы почел его за банковского служащего. Небольшого роста, с короткой – клинышком – бородкой, с глазами слегка навывкате и короткими волосами. Деликатная улыбка, в движениях осторожность. От всей фигуры веяло особой корректностью.

Касаткин вынул из кармана лист бумаги и прочитал по нему вступительную речь. Читал ровно, на вид спокойно, без запинки, но и без подъема, немного как бы вкрадчивым голосом.

В речи говорилось о задачах школы, о роли преподавателя в ней и о наших обязанностях. Походило все на письменный договор, заключенный между учащимися и школой.

– Вы, – читал Касаткин, – подобно пассажирам, наметив конечную цель для своей поездки, сели в вагон и отдались на волю машиниста, который повезет вас к желаемому вами пункту. Теперь вы должны признать все правила железной дороги и подчиниться требованиям сопровождающего вас кондуктора.

Своим выступлением, своею сдержанностью он немного расхолодил нас, горевших видеть и слышать нечто необыкновенное. Наши пылкие головы учитель как бы покропил холодной водой.

Для рисования он поставил геометрические, сухие орнаменты.

Делать было нечего, пришлось усестись за папки и рисовать то, от чего мы уже ушли вперед, готовясь к экзамену для поступления в Училище.

Заскрипели карандаши, уголь. Касаткин обходил всех и вносил поправки, применяя даже маленькую линейку.

Мне с первых же дней повезло в классе. С хорошей подготовкой и энтузиазмом в работе, я легко справлялся с заданиями и получал отличные отметки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.